

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.В. Переверзев

Отношение Ветхого Завета к браку и девству

Опубликовано:
Христианское чтение. 1903. № 11. С. 587-598.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Отношеніе Ветхаго Завѣта къ браку и дѣвству.

„Есть-ли какой великій народъ, у котораго были-бы такія справедливыя постановленія и законы, какъ весь законъ сей, который я предлагаю вамъ“ (Втор. IV, 7).

— (И),—говоритъ Господь Богъ,—попустилъ имъ учрежденія недобрыя и постановленія, отъ которыхъ они не могли быть живы (Иез. XX, 25).

КОГДА къ Спасителю приступили фарисеи съ вопросомъ о разводѣ, Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: «не читали-ли вы, что Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ?..» и потомъ о разводѣ: «а сначала не было такъ» (Мѡ. XIX, 48). Подобно этому и современный вопросъ о бракѣ и дѣвствѣ съ необходимостью отсылаетъ за рѣшеніемъ его въ Библии Ветхаго Завѣта, къ тому, что было «въ началѣ». Обращаясь за «принципіальнымъ» рѣшеніемъ этого вопроса прямо къ Новому Завѣту, забываютъ, что въ немъ «нѣтъ уже... раба, ни свободнаго; нѣтъ мужскаго пола, ни женскаго (Гал. III, 28)»; забываютъ, что христіанское ученіе стоитъ выше всякихъ временныхъ состояній и положеній, отъ всякаго требуя лишь свободнаго приспособленія къ болѣе лучшему и удобному пути для его спасенія и для спасенія другихъ. Словомъ, въ Новомъ Завѣтѣ вопросъ объ индивидуальномъ созиданіи спасенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о всякой цѣнности этой временной жизни принимаетъ совершенно субъективный характеръ: «не всѣ вмѣщаютъ... но кому дано» (Мѡ. XIX, 11); «только почитающему что-либо нечи-

стымъ, тому нечисто» (Рим. XIV, 14). Все зиждется здѣсь всецѣло на принципѣ христіанской свободы. Отсюда, безбрачіе можетъ быть удобнѣе для спасенія (1 Кор. VII, 1, 8, 28), и «идоложертвенное» иногда можно бѣсть «безъ всякаго изслѣдованія, для спокойствія совѣсти» (1 Кор. X, 27). Между тѣмъ въ современныхъ спорахъ на нашу тему замѣтно стремленіе къ принципиальному, объективному, такъ сказать, рѣшенію вопроса: бракъ или дѣвство? и, если то и другое, то какъ и съ какихъ поръ эти «самостоятельные» и «противоположные» идеалы ¹⁾ жизни человѣческой сходятся и примиряются на пути человѣка ко спасенію? Отсюда, установить первоначальную норму человѣческой жизни въ этомъ отношеніи, рассмотреть бракъ и дѣвство на почвѣ нормативнаго развитія жизни человѣческой—*conditio sine qua non* желательнаго рѣшенія вопроса. Израиль-же «между всѣми народами былъ избранъ для того, чтобы быть носителемъ великихъ началъ нормативнаго всемірно-историческаго развитія», и «ветхо-завѣтное законодательство, при своей мѣстной, временной и національной формѣ, въ сущности своей было нормою истинно-человѣческаго развитія» ²⁾. Итакъ, каковы-же первоначально данные нормативные законы человѣческой жизни, и, прежде всего, что-же было въ «въ началѣ?»

«Нехорошо быть человѣку одному, сотворимъ ему помощника, соответственнаго ему» (Быт. II, 18).—такъ предначертанъ былъ въ Божественномъ Совѣтѣ институтъ брака. Въ этомъ божественномъ опредѣленіи въ связи съ послѣдующей замѣткой Библии: «для человѣка не нашлось помощника, подобнаго ему» (20 ст.),—въ этихъ словахъ—главная причина и цѣль первоначальнаго установленія брака. Потребность супружества глубоко пѣдрится въ самой природѣ человѣка, которой не дано самоудовлѣющей полноты жизни; но ее, эту полноту жизни, человѣкъ можетъ искать и создать лишь въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ подобнымъ себѣ,—ему нуженъ помощникъ. Когда, поэтому, первозданный человѣкъ вполнѣ почувствовалъ неполноту своего одиночнаго существованія (20 ст.), «создалъ Господь Богъ изъ ребра, взятаго у человѣка, жену и привелъ ее къ человѣку» (22 ст.). И вотъ насталъ великій въ исторіи

¹⁾ Розановъ. Въ мірѣ неяснаго и первьшеннаго, стр. 244 (примѣч.).

²⁾ Стеллецкій. Бракъ у древнихъ евреевъ. Тр. К. Д. А.; т. II, стр. 513—514.

человѣчества моментъ, когда восхищенному взору первозданнаго мужа предстала благодарованная жена. «И сказалъ человѣкъ: вотъ это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея; она будетъ называться женою, ибо взята отъ мужа (своего). Потому оставитъ человѣкъ отца своего и мать свою, и прильпится къ женѣ своей; и будутъ (два) одна плоть» (Быт. II, 23—24). Небесное предначертаніе сошло на землю и тутъ воплотилось въ таинственномъ физическомъ (23 ст.) и нравственномъ (24 ст.) тяготѣніи другъ къ другу первыхъ супруговъ. И вотъ вмѣстѣ съ первымъ фактическимъ соединеніемъ двухъ жизней въ одно гармоническое цѣлое брачная жизнь стала основнымъ закономъ человѣческихъ отношеній, предъ которымъ блѣднѣютъ самыя сильныя родственныя чувства и интересы (24 ст.), ибо это—богодарованная «доля» человѣка «въ жизни» его и «въ трудахъ» его (Екклес. IX, 9). Незбѣжная пустота самозаклученнаго одиночества устраняется полнотою жизни и взаимной любви двухъ созданныхъ другъ для друга существъ; окруженная свѣтлымъ ореоломъ животворной любви жизнь супруговъ течетъ могучимъ потокомъ, готовая все обнять и все претворить въ полнотѣ этой любви. И затѣмъ уже какъ бы отъ избытка этой полноты жизни и любви является созиданіе новой жизни—тайна зачатія и рожденія дѣтей. «И благословилъ ихъ Богъ, и сказалъ имъ Богъ: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...» (Быт. I, 28). Такъ божественное мірозданіе завершилось чудной гармоніей брака, этого свѣтлаго и глубокаго родника жизни, облеченнаго отъ Бога могуществомъ творческой, создающей силы. «И были оба наги, Адамъ и жена его, и не стыдился» (II, 25). Итакъ, священное величіе тѣснѣйшаго союза взаимной любви, чудное гармоническое соединеніе, полнота жизни въ себѣ и избытокъ ея въ творческомъ, какъ бы, актѣ дѣторожденія, и все это въ ореолѣ святой чистоты и невинности.—такъ было сначала.

Затѣмъ—паль человѣкъ, и сразу-же потускнѣлъ свѣтлый ореолъ брака.

«И узнали они, что наги» (Быт. III, 7), и затѣмъ сказалъ Богъ женѣ: «умножая умножу скорбь твою въ беременности твоей, въ болѣзни будешь рождать дѣтей; и къ мужу твоему влеченіе твое, и онъ будетъ господствовать надъ тобою» (III, 16). Чистота невинныхъ отношеній омрачилась похотливымъ взоромъ, въ райскую гармонию брака вторглось преобладаніе

плотской страсти, и въ сферѣ брачныхъ отношеній повѣязо мертвящимъ дыханіемъ эгоистической чувственности. Однако и теперь свѣтлый обликъ райскаго учрежденія не исчезаетъ совершенно съ грѣшной земли. Идея райскаго брака во все патріархальное время окружена ореоломъ священной важности и идеальной высоты. Памятникомъ такого высокаго отношенія къ браку служитъ библейское повѣствованіе о бракѣ Исаака и Ревекки (Быт. XXIV). Здѣсь мы видимъ почти повтореніе райскаго дарованія жены-помощницы первозданному мужу: обсужденіе вопроса въ семейномъ совѣтѣ, выборъ достойной невѣсты, и... къ Исааку приводится избранныя съ молитвеннымъ призываніемъ благословенія Божія, подруга его жизни, соотвѣтственный помощникъ ему. Замѣчательно при этомъ, что всѣмъ ходомъ и характеромъ библейскаго разсказа сильно колеблется утвержденіе, будто «главная цѣль брака въ Ветхомъ Завѣтѣ состоитъ въ продолженіи рода человеческого»¹⁾, потому что на первый планъ въ этомъ разсказѣ выдвигается выборъ достойной подруги Исааку, съ которою онъ, по замѣчанію разсказа, и «утѣшился въ печали по матери своей» (XXIV, 67). Правда, съ обѣтованіемъ о сѣмени жены произведеніе потомства получило новую санкцію благословеннаго, такъ сказать, участія въ исполненіи божественнаго обѣтованія и сдѣлалось поэтому могущественнымъ факторомъ въ исторіи ветхозавѣтнаго брака; но тѣмъ не менѣе это былъ временный, производный моментъ въ библейскомъ воззрѣніи на бракъ, выдвинувшійся такъ сильно лишь со времени грѣхопаденія прародителей. А сначала не было такъ. Первоначально рожденіе дѣтей было производнымъ результатомъ слиянія двухъ жизней, дававшихъ отъ избытка полноты своей начало новой жизни; цѣль же брака была прежде всего въ гармоническомъ слияніи двухъ существъ и ихъ жизни въ одну полную жизнь. Именно эта цѣль такъ отбѣняется въ библейскомъ разсказѣ о патріархальномъ бракѣ. Произведеніе-же потомства не только не было съ библейской точки зрѣнія главной цѣлью брака, но будучи сильнымъ побочнымъ факторомъ въ брачной жизни, шло иногда въ разрѣзъ съ нормальнымъ теченіемъ и устроеніемъ послѣдней; и именно тогда это было, когда желаніе имѣть потомство дѣйствительно заглушало и подавляло въ со-

¹⁾ *Степеллеций*. Бракъ у древнихъ евреевъ. Тр. К. Д. А.; т. 9—12, стр. 42. •

знаніи ветхозавѣтныхъ людей главную райскую цѣль брака, какъ это и было съ Авраамомъ, взявшимъ себѣ въ наложницу Агарь (Быт. XVI, 2—4), и тѣмъ, по приговору пророка, поступившимъ «вѣроломно» «съ женою юности» своею (Малах. II, 14—15). Но прежде всего для ветхозавѣтнаго сознанія бракъ является желаннымъ идеаломъ жизни, какъ «доля» отъ отъ Бога, «которую дать (человѣку) Богъ подъ солнцемъ на всѣ... дни» жизни его (Эккл. IX, 9).

Что касается, далѣе, ветхозавѣтнаго законодательства, то уже та громадная доля вниманія, которая удѣляется имъ брачной жизни въ тѣхъ или иныхъ видахъ и формахъ ея, ясно свидѣтельствуетъ о важности этого вопроса для законодательства; а особенная строгость охраненія имъ чистоты брачныхъ отношеній и вѣрности супружеской любви сама собою говоритъ за тѣмъ большую святость идеи, лежащей на основаніи этихъ постановленій. Правда, наряду со всѣмъ этимъ мы видимъ въ законѣ какъ бы санкціонированіе такихъ явленій, какъ полигамія (см. напр. Лев. XVIII, 18—20), наложничество (Числ. XXXI, 14), разводъ (Втор. XXIV, 1—4), которыя уже никоимъ образомъ не мнятся съ идеальной высотой священнаго союза любви и какъ будто низводятъ этотъ послѣдній на степень простой уступки плотской похоти, болѣе правильнаго регулированія послѣдней. Но обо всѣхъ послѣднихъ явленіяхъ Господь уже сказалъ устами пр. Іезекіиля, что тутъ Онъ «попустилъ имъ (евреямъ) учрежденія недобрыя, и постановленія, отъ которыхъ они не могли быть живы (Іез. XX, 25)». Мало того, на этихъ же самыхъ «недобрыхъ учрежденіяхъ» можно видѣть слѣды высокаго воззрѣнія на бракъ вообще. Полигамія, напр., пріобрѣтаетъ здѣсь несвойственную ей по существу гуманность отношеній, а наложничество такъ и совершенно преобразуется въ чистой атмосферѣ идейнаго отношенія законодательства къ браку. «Еврейская наложница—жена законная, пользующаяся правами супруги... часто она и называется прямо женою» ¹⁾. Вообще всѣ дозволенные степени указанныхъ «недобрыхъ» явленій насколько возможно облагорожены и возвышены, въ чемъ нельзя не видѣть особой тенденціи законодательства, очень близкой къ преклоненію предъ священной идеей брака, гдѣ бы она такъ или иначе ни проявлялась. И высокая и священная въ себѣ идея брака, нисколько не омрачаясь отъ

¹⁾ *Стеллецкій*. Бракъ у др. евреевъ. Тр. К. Д. А. 1892, т. II, стр. 622.

подобнаго опаснаго сосѣдства. свѣтъ во мракѣ свѣтъ и любовь среди грубости нравовъ. А все это возможно было только потому, что библейская идея брака окружена для ветхозавѣтнаго сознанія свѣтлымъ нимбомъ священныхъ райскихъ лучей, распространяющихъ сіяніе вокругъ, которыхъ ничто не можетъ затмить. Исторически подтверждается это во всю подзаконную эпоху. Какъ вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, сильно было всеобщее, почти, развращеніе, какимъ искаженіемъ высокой идеи угрожала очень скользкая почва компромиссовъ съ «жестокосердіемъ» народа Божія (наложничество, разводъ) и примѣняемости къ временнымъ условіямъ (плодовитость, какъ ветхозавѣтный семейный идеаль). — какъ все это дѣйствительно могло быть опаснымъ и гибельнымъ для идеи брака, если бы, какъ съ точки зрѣнія законодательства, такъ и съ отвѣтной стороны ветхозавѣтнаго сознанія вообще, бракъ не былъ окруженъ свѣтлымъ нимбомъ райскаго сіянія, если бы онъ въ своей чистой идеѣ не имѣлъ за собою высочайшаго священнаго авторитета богоучрежденности, не допускающаго и мысли объ ея униженіи и низведеніи въ низменную сферу чувственности. — Не омрачаетъ свѣтлой идеи брака и то обстоятельство, что въ библейскомъ отношеніи къ браку съ физической его стороны довольно видное мѣсто удѣлено гнущенію, такъ сказать, половой нечистотой. Въ Моисеевомъ законодательствѣ мы видимъ цѣлый рядъ предписаній и разъясненій относительно нечистоты этого рода (см., напр., Левит. XII, 1—7; XV; Втор. XXIII, 10—11). Все это на первый взглядъ набрасываетъ, какъ будто бы, нѣкоторую тѣнь грѣховности на брачное ложе, требуя отъ осквернившихся «жертвы за грѣхъ» и «всесожженія» (Лев. XV, 15). Но истинный источникъ такого рода предписаній очень далекъ отъ всякаго гнущенія самымъ половымъ актомъ, какъ чѣмъ-то грѣховнымъ и въ себѣ самомъ нечистымъ; все это просто лишь выраженіе присущаго библейскому воззрѣнію чувства опрятности, создавшаго особую очистительную обрядность (Лев. V, 3—10; Числ. XIX, 11—22), и вся строгость подобныхъ предписаній направлена не къ чему-либо другому, какъ къ тому только, чтобы женщина, напр., была «чиста отъ теченія кровей ея» (Лев. XII, 7). А относительное множество и сложность предписаній объ очищеніи отъ половой нечистоты говоритъ лишь объ особенной внимательности законодательства ко всему сопряженному съ бракомъ, заботливости его объ охраненіи брака въ чистотѣ и съ физической стороны, такъ что скорѣе и тутъ

бракъ въ своей цѣльной сущности (включая и физическую сторону его) тщательно оберегаются и охраняются отъ всякаго загрязненія и оскверненія, чѣмъ лишь сильнѣе подчеркивается «цѣльная»-же чистота и святость брака.

Что въ самомъ дѣлѣ за всею массою столь разнообразныхъ по духу и характеру своему предписаній законодательства, касающихся брака, скрывается глубокое уваженіе къ священной идеѣ его, что эта идея, согласно завѣтамъ законодательства, жива была во все послѣдующее время въ библейскомъ міровоззрѣніи, что, наконецъ, живо было ея священное обаяніе на сознание ветхозавѣтное.—все это какъ нельзя лучше и сильнѣе доказываетъ отношеніе къ браку позднѣйшей учительной ветхозавѣтной литературы. Свидѣтельство послѣдней, ктому-же, особенно важно потому, что современное ей состояніе правовъ характеризуется крайнею степенью распущенности и почти всеобщею развращенностью, блужденіемъ подъ каждымъ деревомъ, — словомъ, жизненная атмосфера была самая гибельная и вредная для всего сколько-нибудь чистаго и святаго. Но идея брака, какъ истинно божественная по своему происхожденію, явилась райскимъ даромъ неомрачимаго свѣта и недосягаемой для порока высоты: изъ всей бездны тогдашней испорченности нравственной возстаетъ она торжественно радостнымъ гимномъ идеальному супружеству (Ис. XLIV: CXXVII, 3; Притч. V, 18; XXXI, 10—31; Эккл. IX, 9 и др.). Вдохновенныя изреченія ветхозавѣтныхъ поэтовъ, ихъ чудные поэтическіе образы прелестнымъ вѣнкомъ слетаются вокругъ священной ветхозавѣтной идеи брака. И среди всего этого какъ райскій цвѣтокъ чудной красоты — брачный союзъ Товія и Сарры, соединенныхъ посланикомъ Небесъ (Тов. VI, 12; VII, 9—10). Неземнымъ величіемъ и священной важностью вѣетъ отъ библейскаго разсказа объ этомъ бракѣ (VII, 12—VIII гл.); какъ будто тѣ образы, что вдохновляли поэтовъ ветхозавѣтныхъ, изъ области благочестивой мечты спустились на землю и здѣсь воплотились въ чудномъ союзѣ любви.—Вѣнкомъ благоговѣнно-восторженнаго отношенія ветхозавѣтной поэзіи къ этому дару Божію (Эккл. IX, 9) является глубокій таинственный образъ самаго Завѣта Бога съ Израилемъ — тотъ же чудный образъ брака (Ис. I, 1; LIV, 5; Иер. III, 1; Иез. XXIII, 4 и др.). Здѣсь-то именно и сказалась вся сила священнаго обаянія идеи брака въ Вѣтомъ Завѣтѣ, и тутъ во всей полнотѣ и чистотѣ отразился ветхозавѣтный идеаль брака, какъ свободнаго крѣпкаго союза любви, живительнаго

родника счастья супругов и источника новой жизни. Здѣсь, наконецъ, мы съ большею смѣлостью, чѣмъ гдѣ-либо раньше, можемъ подойти къ пресловутому вопросу о физической сторонѣ брака. Въ этомъ отношеніи самъ за себя говоритъ пророческій образъ брака Иеговы съ «дщерью Иерусалима»: «и проходилъ Я мимо тебя, и увидѣлъ тебя, и вотъ, это было время твое, время любви; и простеръ Я воскрилія ризь Моихъ на тебя, и покрылъ наготу твою; и поклялся тебѣ, и вступилъ въ союзъ съ тобою, говоритъ Господь Богъ: и ты стала Моею. Омылъ Я тебя водою, и смылъ съ тебя кровь твою... (Иез. XVI. 8—9) ¹⁾. Да и вообще чрезъ всю учительную ветхозавѣтную литературу, начиная съ пѣвней Пѣсней Пѣсней и кончая суровою мудростью Экклезиаста и Сына Сирахова, проходитъ безобязательное, такъ сказать, приподниманіе покрововъ съ физической стороны брака: отъ «уноенія грудями» «жены юности» (Притч. V, 18) до момента зачатія, благоговѣнно относимаго къ дѣйствию божественнаго могущества (Иов. X, 10—11) все здѣсь облагорожено и ограждено отъ какихъ бы то ни было нареканій и гнушенія священной простотой библейскаго реализма ²⁾.

Въ окончательномъ, такъ сказать, итогѣ отношенія Вѣтхаго Завѣта къ браку: счастливую семейную жизнь «благословится человекъ, боящійся Господа» (Ис. CXXVII, 3—4), а такое или иное лишеніе брачной жизни является синонимомъ великаго бѣдствія, наказанія отъ Господа (Ис. LXXVII, 63; ср. Ис. IV, 1).

Уже изъ всего сказаннаго о бракѣ съ необходимостью слѣдуетъ, что дѣвство какъ особое состояніе, какъ самостоятельный идеаль, самостоятельное начало особаго рода жизни, не имѣло для себя никакой почвы въ библейскомъ міровоззрѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, если уже Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ, если бракъ отъ начала данъ какъ богодарованный законъ жизни, какъ богоучрежденное начало человѣческихъ отношеній, то дѣвство, само собою понятно, не

¹⁾ Ср. ст. 7: Ты выросла и стала большая, и достигла превосходной красоты: поднялись груди и волосы у тебя выросли...

²⁾ Ничего не говоритъ противъ этого и классическое мѣсто 50 псалма: „вотъ я въ беззаконіи зачатъ, и во грѣхѣхъ родила меня мать моя“ (7 ст.), такъ какъ оно собственно указываетъ на общую грѣховную атмосферу жизни въ моментъ зачатія и рожденія пророка, атмосферу, зараженную грѣхомъ и заражающую имъ (Ср. Іов. XIV, 4: кто родится чистымъ отъ нечистаго. Ср. также Пс. CVIII, 14: „беззаконіе отцовъ“ и „грѣхъ матери“).

могло для ветхозавѣтнаго сознанія имѣть значеніе самостоятельнаго идеала, потому что это было бы уже помимо закона и, поэтому, внѣ рамокъ ветхозавѣтнаго сознанія. Тамъ же, гдѣ идеалы отцовъ были идеалами дѣтей, гдѣ ищущій истины, пылкій взоръ постоянно былъ устремленъ «назадъ», къ тому, что было «въ началѣ»,—тамъ дѣвство не могло явиться и какъ идеаль производный, путемъ практическаго наученія отъ самой жизни, путемъ жизненнаго опыта. И дѣйствительно, обращаясь къ показаніямъ самой ветхозавѣтной литературы мы видимъ, что дѣвство нигдѣ не упоминается, какъ свободно избираемый родъ жизни. Моисеево законодательство, такъ подробно и всесторонне разсмотрѣвшее все, касающееся брака, и такъ обстоятельно трактующее объ обѣтѣ назарейства (Числ. VI, 1—8) и вообще о всякаго рода обѣщаніяхъ и обѣтахъ (см., напр., Числ. III, 4—17), ни словомъ не обмолвилось о дѣвствѣ. Но кромѣ того, что оно не было извѣстно какъ фактъ, оно не предносилось сознанію Законодателя и какъ возможный идеаль, и тамъ, гдѣ законодательство имѣетъ дѣло съ явленіями высшаго порядка, гдѣ оно входя въ область близкаго соприкосновенія съ святыней, постепенно возвышается надъ всякими компромиссами въ сферу чистой нравственности,—тамъ тоже нѣтъ и намска на дѣвство. Такъ, ветхозавѣтное священство отмѣчено было въ законѣ, какъ служеніе совершенно высшаго порядка, какъ опредѣленный Богомъ удѣлъ, возвышающійся даже надъ привязанностями самаго близкаго родства (Втор. XXXIII, 8—9); однако законодательство, рѣзко восходя отъ обычной нормы къ идеальному состоянію, вершиной послѣдняго провозгласило моногамическій бракъ, потребовавъ въ этомъ отношеніи отъ первосвященника лишь возвращенія къ райскому идеалу. «Великій-же священникъ изъ братьевъ своихъ... въ жену долженъ брать дѣвицу изъ народа своего» (Лев. XXI, 10—11),—такъ разъ навсегда для ветхозавѣтнаго сознанія былъ произнесенъ приговоръ надъ дѣвствомъ, о которомъ и въ послѣдующія времена нельзя было посетелю этого сознанія произнести священной формулы: «вотъ, по закону Моисееву... (Гов. VII, 12)». Есть, правда, нѣсколько мѣстъ Ветхаго Завѣта, которыя отзываются какъ бы нѣкоторымъ униженіемъ брака и тѣмъ, какъ будто, косвенно говорятъ въ пользу дѣвства. Таковы, напр.: повелѣніе Моисея «не прикасаться къ жепамъ» предъ заключеніемъ завѣта съ Богомъ при Синаѣ (Исх. XIX, 15); запрещеніе священника прикасаться къ умершей сестрѣ «замужней», на ряду съ позво-

лением прикасаться къ трупу умершей сестры «дѣвцы», «не бывшей замужемъ» (Лев. XXI, 3); предварительный опросъ первосвященника Авимелеха о «воздержаніи» спутниковъ Давида отъ женщинъ (1 Ц. XXI, 4). Но тогда какъ въ первомъ и послѣднемъ случаѣ имѣеть мѣсто просто лишь боязнь физической нечистоты, связанной съ брачнымъ сопряженіемъ, оскверняющимъ, поэтому, до вечера, запрещеніе священнику прикасаться къ умершей «замужней» сестрѣ есть лишь послѣдовательное проведеніе первоначальнаго принципа: «оставить чело-вѣкъ отца своего и мать свою... (Быт. II, 22)», по которому «замужняя» сестра какъ бы совершенно отрывается отъ прежнихъ семейныхъ привязанностей ради новаго семейнаго очага ¹⁾. Что суть здѣсь не въ «брачномъ» состояніи самомъ по себѣ, это уже изъ того ясно, что тому-же священнику позволяется, не оскверняя себя, прикасаться къ умершей жепѣ своей (Лев. XXI, 3). Замѣчательно, при этомъ, одно постановленіе Моисеева Закона, устранившее всякую принципиальную разность (въ отношеніяхъ къ нимъ) между брачнымъ и не брачнымъ состояніемъ, между замужествомъ и «днями юности»,—это то, по которому возвратившаяся къ священнику дочь послѣ ея неудавшагося замужества (вдова или разведенная и «безъ дѣтей») безъ всякой перемѣны отношенія къ ней допускается къ семейному потребленію святыни (Лев. XXII, 13).

Въ результатѣ всего сказаннаго о дѣвствѣ получается отрицательное отношеніе къ нему Ветхаго Завета. При общемъ убѣжденіи, что «у кого нѣтъ жены, тотъ будетъ вздыхать, скитаясь» (Сирах. XXXVI, 27), дѣвство могло считаться тамъ лишь горестнымъ удѣломъ жизни. Иллюстраціей подобнаго взгляда является библейскій рассказъ о печальной судьбѣ дочери Іефоая, «оплакивавшей» съ подругами дѣвство свое въ горахъ (Суд. XI, 34—40). Характерно здѣсь то, что заключительнымъ моментомъ въ повѣствованіи о ея судьбѣ является горестная для ветхозавѣтнаго сознанія замѣтка: «и она не познала мужа» (39 ст.); съ потерей ея для брачнаго состоянія судьба ея какъ-бы теряетъ всякій интересъ, сосредоточившійся всецѣло именно на этомъ печальномъ моментѣ ея жизни. Наиболее-же яркой характеристикой ветхозавѣтнаго отношенія къ дѣвству служитъ молитва Сарры, дочери Рагуила, дѣвцы, по отзыву

¹⁾ Ср. Лев. XXII, 12: если дочь священника выйдетъ въ замужество за посторонняго, то она не должна быть приносимыхъ святынь.

Ангела, «прекрасной» (Тов. VI, 12): она молилась: «къ Тебѣ, Господи, обращаю очи мои и лице мое; молю, возьми меня отъ земли сей, и не дай мнѣ слышать еще укоризны... Ты знаешь, Господи... что я... однородная у отца моего, и нѣтъ у него... ни брата близкаго, ни сына братняго, которому я могла бы сберечь себя въ жену... Для чего-же мнѣ жить? (Тов. III, 12—15)». Что можетъ быть болѣе этого рѣзкаго отрицанія дѣвства, этого органическаго, такъ сказать, отвращенія отъ него дѣвственной (14 ст.) ветхозавѣтной дѣвушки?

Но, какъ это ни страшно послѣ всего сказаннаго объ отношеніи Ветхаго Завѣта къ браку и дѣвству, однако онъ, не зная послѣдняго, безсознательно, такъ сказать, подготавливаетъ и созидалъ почву для него. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно вѣдь то, что идея брака, столь важная и святая для ветхозавѣтнаго сознанія, во всей ея высотѣ и чистотѣ жила почти у однихъ только передовыхъ носителей этого сознанія. Въ раю—полнота жизни и счастья, въ законодательствѣ—богочрежденный законъ человѣческихъ отношеній, свѣтлая мечта ветхозавѣтной поэзи, высокій и священный идеаль пророковъ.—идея брака не была однако въ Ветхомъ Завѣтѣ постояннымъ дѣйствующимъ закономъ дѣйствительной жизни. Оскорбленная первымъ-же похотливымъ взглядомъ, она какъ-бы улетѣла въ небесную высь, и уже оттуда, съ высоты возвышеннаго сознанія лучшихъ людей, изъ высшей сферы поэтической мечты и пророческихъ видѣній лучи райскаго идеала падали на грѣшную землю, маня къ себѣ чаянія и мечты вѣрныхъ сыновъ Іеговы. А на землѣ... Ламехъ взялъ себѣ двѣ жены (Быт. IV, 19); произошло нечистое смѣшеніе сыновъ Божіихъ съ дочерьми человѣческими (VI, 1—2)... и такъ далѣе въ томъ же направленіи до Соломонова гарема (3 Цар. XI, 3) и до всеобщаго почти блужденія подъ каждымъ деревомъ. И вотъ «нашелъ я,—говоритъ мудрый Экклезіастъ,—что горче смерти женщина, потому что она—сѣтъ, и сердце ея—силки, и руки ея—оковы; добрый предъ Богомъ спасется отъ нея, а грѣшникъ уловленъ будетъ ею (Эккл. VII, 26)»,—страшныя заключительныя слова ветхозавѣтной эпохи брака.—Такой постоянный и рѣзкій разладъ между идеей и ея осуществленіемъ острою болью отзывался въ сознаніи лучшихъ представителей ветхозавѣтной эпохи и побудилъ этихъ носителей ветхозавѣтныхъ принциповъ нормативнаго развитія на важныя уступки въ пользу обстоятельствъ времени. Отсюда, прежде всего, горестное для ветхо-

завѣтнаго человѣка сознание: «лучше бездѣтность съ добродѣтелью (Прем. Сол. IV, 1)». отсюда-же затѣмъ и грозно-обличительное для поправшаго святую идею брака Израиля предпочтительное призваніе въ Царство Божіе благочестивыхъ евнуховъ, которымъ дается теперь «пріятнѣйшій жребій въ храмъ Господнемъ» (II, 13; ср. Ис. LVI, 3—5), и наконецъ чисто аскетическія требованія воздержанія и цѣломудрія въ бракѣ, по которымъ «сопротивляющійся вожделѣніямъ увѣнчасть жизнь свою (Сир. XIX, 5)». И вотъ, когда ветхозавѣтному сознанию явилась мысль о воздержаніи, когда въ Ветхомъ Завѣтѣ ясно слышалось: «не похотствуй на жену» (Сир. XXV, 23), въ этотъ моментъ ветхозавѣтной исторіи чувствуется уже вѣяніе новой эры жизни человѣческой, когда «всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ. (Мѡ. V, 28) и когда, кто можетъ вмѣстить (безбрачіе), да вмѣстить (Мѡ. XIX, 12). Въ этотъ моментъ идея брака, наравнѣ съ прочими естественно-нормативными законами жизни человѣческой, готовится уже уступить мѣсто и покориться высшимъ «законамъ благодати».—«И было (къ Іереміи) слово Господне: не бери себѣ жены, и пусть не будетъ у тебя ни сыновей, ни дочерей на мѣстѣ семь (Іер. XVI, 1—2)»,—вотъ ветхозавѣтное предвозвѣщеніе того времени, когда потребуется уже не временное воздержаніе ради предстоящихъ ужасовъ мѣстнаго бѣдствія, а цѣлый жизненный подвигъ ради вѣчнаго спасенія. Ветхій За-вѣтъ, такимъ образомъ, сказалъ свое первое и сильное слово въ пользу дѣвства. Ветхозавѣтный плачь объ утерянной райской гармоніи брака естественно переходитъ въ новозавѣтную радость о Христѣ христіанскихъ дѣвственниковъ.

Такъ стало теперь.

А. Переверзевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки